

Личков Леонид Семенович

**Новые данные по истории
заселения Сибири**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л47

Л47 **Леонид Семенович Л.**
Новые данные по истории заселения Сибири / Личков Леонид Семенович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 52 с.

ISBN 978-5-519-93696-5

ISBN 978-5-519-93696-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ніи собирались по возможности, свѣдѣнія не только объ этомъ самомъ поселкѣ, но и объ окрестныхъ. Добытыя данныя сопоставлялись другъ съ другомъ въ видахъ дополненія недосказаннаго и возможнаго исправленія неточностей.

Тѣже свѣдѣнія, по возможности, собирались на мѣстахъ же и отъ должностныхъ лицъ волостныхъ правленій, которые иногда сообщали весьма цѣнныя указанія по этому вопросу отчасти вслѣдствіе знакомства своего съ нѣкоторыми архивными дѣлами, отчасти вслѣдствіе болѣе близкаго знакомства съ перепиской по поводу образованія въ ихъ волости селеній, возникавшихъ въ послѣдніе 10—15 лѣтъ,—иногда же давали важныя указанія по поводу того, гдѣ и къ кому надо обратиться, кто можетъ сообщить болѣе полныя и достовѣрныя по этому поводу данныя.

Къ разбору дѣлъ и вообще архивныхъ матеріаловъ приступать почти не приходилось, потому что ни я и никто изъ моихъ товарищей не располагали для этого необходимымъ временемъ и могли получать данныя по исторіи заселенія только попутно, только примѣняя тотъ же способъ разспроса, какой былъ нами принятъ для собиранія статистическихъ матеріаловъ,—*только по преданіямъ, сохранившимся у мѣстнаго населенія*. Этимъ въ извѣстной мѣрѣ ослабляется значеніе собраннаго матеріала. Прежде всего, очень давнія селенія совсѣмъ уже забыли всякія преданія о своемъ поселеніи и справку объ этомъ можно найти только въ однихъ архивахъ. Но и тамъ, гдѣ преданія еще существуютъ, мѣстами, за давностью времени, дѣды могли кое что позабыть, перепутать, ошибиться годами, упустить нѣкоторыя, иногда и существенныя, подробности. Передаваемое изъ устъ въ уста, отъ дѣдовъ къ отцамъ, отъ прадѣдовъ къ дѣдамъ, могло быть передано недостаточно точно. Чѣмъ поэтому дальше отъ насъ моментъ заселенія извѣстной мѣстности, тѣмъ менѣе точны собранныя о ея заселеніи данныя, тѣмъ менѣе точны указанія о времени. Въ то время какъ для селеній, основанныхъ въ недавнее время, моментъ ихъ основанія могъ быть установленъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, съ точностью до одного года, для селеній значительно болѣе старыхъ такая точность остается доступной лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, и время опредѣляется съ приблизительными колебаніями въ 3—5—10 лѣтъ, смотря по давности прошедшаго съ тѣхъ поръ періода. Для селеній же въ дѣйствительности основавшихся еще до прапрадѣ-

довъ—лѣтъ 150—200 и болѣе назадъ—моментъ ихъ возникновенія опредѣляется обыкновенно лишь круглыми цыфрами съ колебаніями въ 30—50, а иногда и болѣе лѣтъ, въ извѣстныхъ случаяхъ дающими однако, при счетѣ пережившихъ поколѣній и по другимъ, одновременно сообщаемымъ даннымъ объ условіяхъ заселенія, о существовавшихъ въ то время деревняхъ въ окрестностяхъ и проч., матеріалъ для болѣе или менѣе точнаго установленія момента, съ котораго существованіе селенія оказывается возможнымъ признать несомнѣннымъ.

Прежде чѣмъ пользоваться этимъ матеріаломъ для обработки и выводовъ, зная уже его специфическіе недостатки и особенности, я все таки рѣшилъ испытать его сравненіемъ съ случайно добытыми мною, официальными архивными данными о времени заселенія по двумъ совершенно разпороднымъ районамъ. Сравненіе тѣхъ и другихъ данныхъ убѣдило меня въ томъ, что пользованіе свѣдѣніями, собранными отъ жителей разспроснымъ путемъ, вполне допустимо и возможно при необходимой осторожности въ обращеніи съ ними, такъ какъ разспросныя свѣдѣнія, въ общемъ, незначительно отличаются отъ архивныхъ и то лишь относительно селеній очень давняго происхожденія.

Въ виду всего вышеизложеннаго, этимъ матеріаломъ хотя и можно пользоваться, но на него надобно все-таки смотрѣть какъ на приблизительный — и, главнымъ образомъ, по отношенію къ свѣдѣніямъ *собственно о времени* образованія отдѣльныхъ поселковъ. По этому при разборѣ этихъ данныхъ я старался, независимо отъ взаимной провѣрки собранныхъ въ разныхъ мѣстахъ о разныхъ селеніяхъ свѣдѣній, по возможности, съ осторожностью устанавливать тотъ моментъ, который слѣдовало принять, какъ время, наиболѣе соответствующее дѣйствительному образованію того или другаго населеннаго пункта. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходилось поэтому устанавливать даже не время дѣйствительнаго поселенія, а только моментъ, съ котораго фактическое существованіе извѣстнаго селенія въ данной мѣстности становилось несомнѣннымъ, оставляя въ то же время подъ вопросомъ самый моментъ возникновенія этого селенія. Этимъ все-таки достигалась возможность, пользуясь большимъ числомъ данныхъ, съ болѣею точностью устанавливать время, съ котораго извѣстные районы и мѣстности слѣдовало бы уже считать заселенными и

дѣлать между различными районами изслѣдованнаго края сравненія по времени заселенія, могущія въ извѣстной мѣрѣ уяснить и, такъ сказать, географическій ходъ его заселенія. Тѣмъ не менѣе, желаніе по возможности устранить сомнительные выводы изъ собранныхъ матеріаловъ, побудило меня совсѣмъ выдѣлить изъ разсмотрѣнія довольно значительную часть добытыхъ показаній. При 628 самостоятельныхъ населенныхъ пунктахъ 4-хъ округовъ (или уѣздовъ) *Енисейской губерніи* ¹⁾, собранныя по исторіи заселенія данныя относятся приблизительно къ 550 такимъ пунктамъ, но около 100 изъ нихъ совсѣмъ изъяты мною изъ разсмотрѣнія въ виду ихъ недостаточности или же сомнѣнія въ достовѣрности; подлежащія такимъ образомъ изслѣдованію данныя относятся въ настоящемъ случаѣ лишь къ 461 населенному пункту, что однако составляетъ свыше 73% общаго числа населенныхъ пунктовъ въ этихъ округахъ.

При всемъ этомъ оказалась тѣмъ не менѣе цѣлая серія селеній, относительно которыхъ твердо установить удалось только то, что эти селенія несомнѣнно *старыя*, что мѣстное населеніе времени поселенія своего здѣсь не помнитъ, и ни у отцовъ, ни у дѣдовъ, ни у пра-дѣдовъ воспоминаній о времени образованія ихъ селеній никакихъ не сохранилось. Именно это отсутствіе какихъ бы то ни было воспоминаній, при неимѣніи какихъ-либо иныхъ точныхъ указаній о времени поселенія, и могло быть съ полною несомнѣнностью признано доказательствомъ того, что селеніе принадлежитъ къ числу старыхъ, пережившихъ, по крайней мѣрѣ, четыре или пять поколѣній.

Для человѣка, привыкшаго разрабатывать исторію на основаніи архивныхъ и вообще письменныхъ документовъ, такого рода матеріалъ, основанный исключительно на устныхъ преданіяхъ, имѣетъ вѣроятно весьма небольшую цѣну. Но въ данномъ случаѣ и въ его глазахъ цѣнность собраннаго матеріала неизбежно должна повыситься по слѣдующимъ причинамъ. Архивъ Красноярска—губернскаго города Енисейской губерніи—сгорѣлъ лѣтъ 10 назадъ и имѣвшіеся въ немъ цѣнныя данныя по настоящему вопросу утрачены такимъ образомъ безъ слѣда. Многіе мѣстные окружные (т. е. уѣздные) и волостные архивы тоже частію сгорѣли, частію утрачены и расхи-

¹⁾ О заселеніи которой только и будетъ рѣчь въ послѣдующемъ изложеніи.

щены; надзоръ же за ними и въ настоящее время неудовлетворителенъ, такъ что постепенно и они подвергаются расхищенію.

Такимъ образомъ исчезаетъ безповоротно масса данныхъ, по которымъ бы можно было возстановить исторію заселенія края. При такомъ условіи наличность данныхъ по этому вопросу, собранныхъ изъ устныхъ преданій, въ значительной мѣрѣ восполняетъ образовавшуюся брешь, которая такъ на вѣки и осталась бы брешью, если бы не обратить вниманія на сохраненіе этихъ преданій и предоставить населенію забыть о своемъ прошломъ даже и то небольшое, что осталось еще въ его памяти по настоящее время.

На ряду со всѣмъ этимъ важно еще имѣть въ виду и то, что официальные данныя по исторіи образованія населенныхъ пунктовъ нерѣдко сами по себѣ недостаточны, опаздываютъ противъ дѣйствительности и потому сами по себѣ требуютъ дополненія ихъ устными преданіями.

Я хочу этимъ сказать, что официальная переписка о возникновеніи и образованіи селенія весьма часто возбуждается только тогда, когда сами жители возникшаго селенія вздумаютъ возбудить передъ начальствомъ вопросъ объ официальном признаніи ихъ существованія, или когда — какъ бываетъ въ Сибири — само начальство неожиданно откроетъ существованіе доселѣ неизвѣстнаго ему селенія. Въ обоихъ случаяхъ, между дѣйствительнымъ моментомъ возникновенія селенія и его официальнымъ признаніемъ или, по крайней мѣрѣ, возбужденіемъ о немъ переписки, проходитъ извѣстный, иногда и очень продолжительный промежутокъ времени, при чемъ новопоселенцы нерѣдко даже нарочно, изъ боязни ответственности за самовольный захватъ земли или наложенія податей за весь истекшій со дня поселенія періодъ, скрываютъ отъ начальства время дѣйствительнаго своего поселенія. За примѣрами ходить не далеко: д. Корелина, Новос. в. Минус. округа, основана около 150 лѣтъ назадъ, а деревнею стала считаться официально только 120 лѣтъ назадъ; лѣтъ 80 назадъ крестьяне с. Кавказскаго, Тес. в. Мин. округа, стали заводить заимки въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ деревня Галактіоновская, а считается, что деревня существуетъ только 45 лѣтъ; селеніе Кульчетское, Новос. вол., составляло раньше заимку с. Комскаго, которая начала свое существованіе лѣтъ около 100 назадъ, когда въ немъ было уже 40 дворовъ; въ Курагинскій заселокъ Можарку основатели ея — пермскіе и

вятскіе старовѣры—пришли за 3 года до офіціального его основанія и т. д., и т. д.

Такимъ образомъ, офіціальная дата весьма нерѣдко опаздываетъ, и даже значительно запаздываетъ противъ дѣйствительности, и уже однимъ только этимъ обусловливается необходимость дополнять для выясненія истины имѣющіяся офіціальныя архивныя данныя свѣдѣніями, добытыми изъ устъ самихъ жителей, такъ какъ иначе исторія заселенія и, въ особенности, время заселенія тѣхъ или другихъ мѣстностей по однимъ только офіціальнымъ даннымъ — представилась бы въ нѣсколько неправильномъ видѣ.

Но эти офіціальныя отступленія отъ неофіціальной дѣйствительности весьма существенны и важны не только въ вопросѣ объ исчисленіи времени поселенія, но и въ другихъ отношеніяхъ. Въ архивахъ сохраняются только офіціальныя данныя, въ которыя входятъ свѣдѣнія лишь, такъ сказать, о внѣшней сторонѣ образованія селенія. Это—прошеніе засельщиковъ о признаніи ихъ заселка селеніемъ и о прирѣзкѣ имъ земли, съ указаніемъ иногда—«для видимости начальства»—мотивовъ ихъ просьбы, соображеній, въ силу которыхъ имъ настоятельно требуется то и другое, затѣмъ свѣдѣнія о соотвѣтствующихъ «по сему прошенію» распоряженіяхъ начальства, о посылкѣ землеѣра и указаніи селенію границъ его офіціального земельного владѣнія (которое, надо замѣтить кстати, въ Сибири весьма часто совсѣмъ не согласуется съ дѣйствительнымъ), наконецъ свѣдѣнія о какихъ либо льготахъ, испрошенныхъ засельщиками и дарованныхъ правительствомъ; на этомъ дѣло и заканчивается. Что же было до и послѣ этого—все то остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности. И только разспроснымъ путемъ оказывается возможнымъ разъяснить съ желательною подробностію высокоинтересную и поучительную для будущаго исторію выхода поселенцевъ съ родины и причинъ, побудившихъ ихъ къ этому, исторію ихъ дальняго и тяжелаго пути до Сибири и затѣмъ блужданія по незнакомой странѣ въ поискахъ за тѣмъ, «гдѣ лучше», причины и исторію неудачныхъ осѣданій на томъ или иномъ мѣстѣ, связанную съ разрушеніемъ только что основанныхъ хозяйствъ и переходомъ на новыя мѣста для новаго поселенія. Только этимъ разспроснымъ путемъ оказывается возможнымъ въ должной подробности выяснить исторію борьбы пришельцевъ съ инородцами, съ старожилами-сибиряками изъ-за захваченной земли, изъ-за права пахать, рубить и косить

тамъ, «куда топоръ и коса ходить» (такъ какъ отголоски борьбы этого рода далеко не всегда доходятъ до начальства и дѣлаются достояніемъ архивовъ), наконецъ исторію борьбы съ природой, съ чуждыми условіями жизни, съ новыми условіями хозяйства, исторію акклиматизаціи, осибиряченія новопришельцевъ — вплоть до того момента, когда новый поселокъ самъ уже начинаетъ считать себя старожильнымъ, сибиряцкимъ. — Слишкомъ много изъ всего этого, къ сожалѣнію, не проникаетъ въ наши архивы, и это само собою обусловливаетъ, мнѣ кажется, не только полезность собираемыхъ разспроснымъ путемъ данныхъ, но и желательность ихъ *даже и въ томъ случаѣ*, если вопросъ о заселеніи разрабатывается при полномъ запасѣ архивнаго матеріала.

Въ частности, данныя этого рода имѣютъ еще и то цѣнное практическое значеніе, что въ подробностяхъ выясняютъ исторію и дѣйствительныя причины неудачъ многихъ, имѣвшихъ мѣсто въ Сибири, правительственныхъ попытокъ по части подневольной и вообще правительственной колонизаціи края и даютъ цѣнныя для будущаго указанія, которыя врядъ ли найдутся въ официальной перепискѣ по поводу устройства этихъ казенныхъ поселеній.

Добытыя разспроснымъ путемъ, свѣдѣнія эти могутъ имѣть еще для историка значеніе также указаній на долженствующіе храниться въ архивахъ цѣнные матеріалы, требующіе болѣе или менѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія. Многія селенія, напримѣръ, образовались такъ давно, что жители не помнятъ подробностей поселенія, но у нихъ твердо сохранились въ памяти такія черты изъ исторіи ихъ обоснованія, которыя невольно обращаютъ на себя вниманіе и возбуждаютъ интересъ къ розысканію соотвѣтствующихъ архивныхъ документовъ. Таковы указанія на то, что с. Шеламовское, Тасѣвской волости, Канскаго округа, заселено было будто бы по распоряженію правительства присылкою сюда мелкихъ дворянъ для усмиренія какихъ то инородцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ «чуди», о чемъ будто бы существуетъ указъ императрицы Екатерины II отъ 1768 года; что с. Суховское той же волости образовано по распоряженію правительства изъ части шайки разбойниковъ, пошлавивавшихъ около г. Енисейска; что с. Тичино, Еловской волости, Красноярскаго округа, состоитъ изъ крестьянъ, поступившихъ добровольно будто-бы въ свое время, въ чаяніи для себя выгоды, въ разрядъ помѣщичьихъ подъ власть какого то

случайнаго мѣстнаго землевладѣльца и отбывавшихъ на помѣщика барщину, тогда какъ вездѣ вокругъ ни о частныхъ землевладѣльцахъ, ни о помѣщичьихъ крестьянахъ, повидимому, и слуху не было.

Собранныя разспросами данныя, о которыхъ я говорю, составляютъ въ сыромъ видѣ довольно объемистый матеріалъ въ видѣ иногда отрывочныхъ, иногда подробныхъ записей по каждому отдѣльному населенному пункту: селу, деревнѣ, выселку, самостоятельной заимкѣ,—записей, часто весьма интересныхъ по подробностямъ въ нихъ сообщеннымъ; но излагать ихъ здѣсь было бы неумѣстно, потому что это потребовало бы слишкомъ много времени, утомило бы читателей и все-таки не дало бы возможности составить, при бѣгломъ чтеніи, достаточно яснаго представленія объ условіяхъ и характерѣ заселенія различныхъ мѣстностей края въ разное время. По этому въ данномъ случаѣ я постараюсь только, по возможности, ознакомить читателей съ тѣми выводами, которые, при осторожномъ пользованіи, вытекаютъ изъ этого матеріала, что одновременно и дать имъ понятіе объ условіяхъ и времени заселенія этого края и о значеніи собиранія такихъ свѣдѣній относительно существующихъ у населенія преданій по исторіи заселенія.

Для будущаго историка Сибири, конечно, важнѣе было бы, можетъ быть, имѣть эти, собранныя разспроснымъ путемъ, записи не сведенными: по отдѣльнымъ селеніямъ, въ ихъ первоначальномъ видѣ, тѣмъ болѣе, что сводка не можетъ представить ихъ въ полномъ видѣ, не можетъ исчерпать даже половины заключающихся въ нихъ фактовъ. Но, высказавъ свою личную точку зрѣнія на значеніе этого матеріала, я—статистикъ по спеціальности—предоставляю Обществу, какъ компетентному въ историческихъ вопросахъ высказать окончательное сужденіе о томъ, долженъ ли этотъ сырой матеріалъ остаться только личнымъ моимъ достояніемъ и долженъ ли такого рода матеріалъ приниматься во вниманіе при изученіи мѣстной исторіи.

Теперь я обращаюсь къ разсмотрѣнію добытыхъ разспроснымъ путемъ данныхъ.

Изъ общаго числа нынѣ существующихъ 461 селеній, время основанія которыхъ болѣе или менѣе установлено, около 90 основаны съ помощью правительства; изъ нихъ около 20 составляютъ въ полномъ смыслѣ казенныя поселенія изъ поселенцевъ, изъ штрафныхъ

солдатъ, изъ переведенныхъ изъ Европейской Россіи козаковъ, изъ помѣщичьихъ крестьянъ, взятыхъ въ солдаты, но только принятыхъ «въ зачетъ рекрутъ», а въ дѣйствительности употребленныхъ для заселенія Сибири; остальные же изъ 90—приблизительно 70 поселковъ, основанныхъ съ пособіемъ отъ правительства, т. е. съ дарованіемъ льготъ на проѣздъ или на обзаведеніе, льготъ въ платежахъ, въ рекрутчинѣ, большею частію основаны вольными поселенцами, пришедшими по собственной инициативѣ или по вызову правительства, сдѣланному тоже въ видахъ заселенія края. Все остальное (изъ 461—374) это вольныя поселенія, основанныя безъ денежнаго пособія казны на дорогу и на устройство на мѣстѣ. Меньшинство изъ нихъ основано непосредственно переселенцами изъ Европейской Россіи; небольшая часть—такими же переселенцами, но уже осѣдавшими въ другихъ мѣстахъ и потому обосновавшимися въ нынѣшнихъ селеніяхъ не непосредственно по приходѣ съ родины; большинство—крестьянами изъ сибирскихъ деревень, преимущественно той-же Енисейской губерніи—изъ такихъ деревень, которыя въ моментъ выхода изъ нихъ основателей этихъ новыхъ селеній считались уже сибиряцкими; или такими изъ нихъ выселенцами, которые уже болѣе или менѣе долго тамъ пробыли, обжились, значительно осибирячились и основались было тамъ достаточно прочно. Заселенцы этого рода либо прямо уходили съ насиженнаго уже мѣста на новое, болѣе для нихъ подходящее, заранѣе намѣченное, либо—рѣже—на поиски такого мѣста, или-же основывали новыя селенія такимъ образомъ: они постепенно отселялись неподалеку отъ своего селенія куда-нибудь поближе къ своимъ пашнямъ или покосамъ, или къ тому мѣсту, гдѣ былъ лучший выпасъ скоту, не прерывая однако своихъ сношеній съ метрополіей и продолжая числиться при старой деревнѣ. Это образовывался выселокъ. Впослѣдствіи, разростаясь естественнымъ путемъ и притокомъ приселенцевъ извнѣ, онъ окончательно выдѣлялся въ особую деревню, приобрѣтая новую кличку, но иногда, по старой привычкѣ, продолжая все-таки именоваться не селомъ, не деревней, а выселкомъ. Другой способъ отселенія былъ похожъ на этотъ. Нѣкоторые хозяева отселялись тоже поближе къ своимъ покосамъ и пашнямъ не окончательно, а только на время—на лѣто, чтобы не тратить времени на переѣзды къ дальнѣйшимъ угодьямъ. Для жилья они устраивали тамъ шалаши, а то и избы—благо лѣсу было вдоволь—и жили тамъ сначала дѣй-

ствительно только лѣтнее время. Такъ образовалась заимка. Но по мѣрѣ того, какъ заимочники расширяютъ свои распахки вокругъ заимки, кое кто, признавая уже болѣе выгоднымъ жить на заимкѣ и зиму, начинаетъ переселяться туда окончательно. Постепенно заимка превращается въ постоянный поселокъ, разрастающійся въ послѣдствіи тѣмъ же путемъ, какъ и выселокъ, и тоже отдѣляется современемъ отъ метрополіи въ особое самостоятельное селеніе, сохраняющее временами и въ своемъ названіи слѣды происхожденія отъ заимки; наприм., селеніе Голопуповка, оно-же «заимка Амонашевская», происшедшее изъ Амкаульской деревни Канскаго округа; селеніе Нижнезаимское Типской волости и т. п. Иногда заимка разрастается въ самостоятельное селеніе только, или исключительно, на счетъ притока новыхъ селеній изъ метрополіи, иногда же главную роль въ увеличеніи ея населенія играетъ притокъ новыхъ лицъ извнѣ, или же и то и другое вмѣстѣ. Изъ бывшей заимки жителей гор. Красноярска образовалось свыше 150 лѣтъ назадъ с. Кордачино пригородной Заледѣвской волости; изъ пригородной заимки жителей г. Ачинска и окрестныхъ деревень произошло лѣтъ 70 назадъ нынѣшнее село Бѣлоярское; такимъ образомъ селенія возникали не только изъ деревенскихъ, но и изъ нѣкоторыхъ городскихъ заимокъ. Иногда заимка основывалась нѣсколько инымъ образомъ. Новоприселенцы приходили въ уже существующее селеніе и просили общество о принятіи ихъ въ свою среду. Получивъ согласіе, они не водворялись въ селеніе или потому, что усадебное мѣсто было тѣсно, или потому, что разработку подъ пашни приходилось дѣлать вдали отъ селенія, такъ какъ все кругомъ него уже было разработано старожиллами, или, наконецъ, потому, что хотѣли жить особо отъ старожилловъ. Поэтому они образовывали отдѣльный поселокъ, который, какъ несамостоятельный, считался заимкой, пока самъ не выдѣлялся въ особое, тоже самостоятельное общество (напримѣръ, Какуръ, Нахъ. вол.). Общее число нынѣшнихъ селеній, заведомо происшедшихъ отъ выселковъ и заимокъ (послѣднихъ—въ особенности) достигаетъ почти 80, т. е. приблизительно 17% общаго числа нынѣшнихъ селеній, по вопросу о заселеніи которыхъ имѣются свѣдѣнія.

Въ образованіи селеній весьма важную роль играло между прочимъ присутствіе хотя бы самой ничтожной осѣдлости въ данномъ районѣ. Присутствія одного двора часто уже было достаточно для того, чтобы около него начали селиться одинъ за другимъ все новые

и новые засельники, и одинокая усадьба забравшагося въ глушь одинокаго же переселенца превращалась—иногда даже въ сравнительно короткое время—въ цѣлое селеніе. Присутствіе уже одного двора давало, во первыхъ, для вновь пришедшаго возможность общенія съ людьми среди таежныхъ условій жизни и нѣкоторое право въ извѣстной мѣрѣ рассчитывать на помощь старосела; во вторыхъ, оно, такъ сказать, подкрѣпляло новоприселенца въ правильности его соображеній объ удобствѣ даннаго мѣста, такъ какъ въ лицѣ одинокаго старосела онъ видѣлъ человѣка, тоже признававшаго эти мѣста удобными и уже доказавшаго это своимъ житьемъ здѣсь. Такимъ образомъ образовался, напримѣръ, такъ называемый выселокъ Шулпиха, Уринской волости Канскаго округа: выселился туда лѣтъ 20 назадъ пасѣчникъ Сафоновъ изъ с. Александровскаго, чтобы имѣть тамъ пчельникъ въ удобномъ мѣстѣ, а къ нему постепенно приселялись и другіе; на рѣчкѣ Поймѣ въ Анцырской вол. того же округа первымъ поселился мельникъ Рахмановъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ сравнительно старый уже заселокъ, извѣстный подъ именемъ заимки Пойминской; мельникъ переселился на построенную имъ мельницу, припахалъ пашни, а потомъ приселились и другіе; селеніе Сургутское Ачинскаго округа тоже образовалось подобнымъ образомъ: сначала одинъ, потомъ другой изъ жителей Балахты поставили здѣсь на рѣчкѣ мельницы и поселились, а погода образовалось и цѣлое селеніе; большое село Свищево Вознесенской волости, уже существующее лѣтъ 200, основано выселенцемъ изъ с. Коршина, ходившимъ въ эти мѣста на охоту; посѣщая ихъ онъ приглядѣлъ себѣ мѣсто въ районѣ охоты, поселился и къ нему стали приселяться другіе. Впрочемъ, случаи одиночнаго поселенія, повидимому, были рѣдки, вслѣдствіе чего рѣдко же приходится слышать о селеніяхъ, основателями которыхъ были одинокіе засельщики. Этому не могла способствовать и сама природа, самыя условія поселенія, потому что и теперь еще въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ одна уже борьба съ тайгой, не говоря о борьбѣ со звѣремъ, о трудности одиночной, неартельной работы и проч.—является непосильной для одинокихъ засельщиковъ, такъ какъ разрабатываемое изъ-подъ тайги топоромъ и руками зарастаетъ ею вновь со скоростью, почти недающей времени на дальнѣйшія новыя разработки. Тайга, что называется, „одолѣваетъ“ одинокаго засельщика, уничтожая вводимую имъ культуру... Этимъ,